

УДК 811.161.1

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПЛАСТИКИ СТИЛЯ МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО
И КОЛОМЕНСКОГО МАКАРИЯ (БУЛГАКОВА)****A STUDY ON THE PLASTICITY OF STYLE OF MAKARIUS (BULGAKOV),
METROPOLITAN OF MOSCOW AND KOLOMNA****В.К. Харченко
V.K. Kharchenko***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: wera_kharchenko@mail.ru*

Аннотация. Исследуются языковые особенности 12-томного труда митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) «Истории русской церкви», даётся определение пластики стиля, выявляются индивидуальные особенности воплощения пластики. Это, прежде всего, феномен ясности и прозрачности научного изложения, лексическое разнообразие (вычисляется коэффициент лексического разнообразия), наличие когнитивных скреп, умелое введение цитат, двойные эпитеты, риторические фигуры.

Abstract. The article deals with linguistic characteristics of the 12 volume “History of Russian church” by Makarius (Bulgakov), Metropolitan of Moscow and Kolomna. The author defines the plasticity of style, determines individual peculiarities of its objectification: the phenomenon of clarity and transparency of narration, lexical diversity (the coefficient of lexical diversity is calculated), the presence of cognitive staples, appropriate quoting, double epithets, rhetorical figures.

Ключевые слова: митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков), «История русской церкви», пластика стиля, ясность изложения, коэффициент лексического разнообразия, когнитивные скрепы, двойные эпитеты, цитаты, риторические фигуры.

Keywords: Metropolitan of Moscow and Kolomna (Bulgakov), “The History of Russian Church”, plasticity of style, clarity of narration, coefficient of lexical diversity, cognitive staples, double epithets, quotations, rhetorical figures.

Введение

Язык и стиль трудов митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), прежде всего, главного труда 12-томной «Истории русской церкви» [ИРЦ], ещё при жизни выдающегося историографа получали весьма высокую оценку. Современники называли этот язык замечательным удобочитаемым, превосходным, обращая отдельное внимание на характер изложения подчас весьма сложных, запутанных, неоднозначных вопросов церковной истории. Высокую оценку языку и стилю митрополита Макария (Булгакова) давали и впоследствии, однако при этом сложилась едва ли не парадоксальная ситуация. При наличии весьма, повторим, высоких оценок имело место абсолютное отсутствие специальных исследований, если не проникающих в секреты и тайны идиостиля митрополита Макария (Булгакова), то хотя бы каким-либо образом описывающих, интерпретирующих этот национально значимый культурный феномен.

Можно назвать как минимум три причины лингвистического «невнимания» к идиостилю выдающегося историографа церкви. Это, во-первых, длительный, 70-летний период действия советской идеологии, запрещавшей изучение трудов и биографий церковных деятелей. Во-вторых, это и после перестройки сохраняющееся, ставшее привычным разьединение «светской» и «церковной» науки. Отдельные подвижки совмещения таких ракурсов, когда филологическое знание совмещается с теологическим, стали наблюдаться лишь в недавнее время. См., в частности: [1: 17-20; 2]. В-третьих, в этих «подвижках» имело место традиционно большее внимание языку и стилю проповедей [3] и исповедей [4], а также исследование отдельных концептов, актуальных для религиозного дискурса [5, 6, 7, 8], тогда как язык и стиль старинных и современных научных трудов, например, по истории церкви продолжал пребывать за кадром. Не исключено, что потенциальных исследователей смущал и объём материала, подлежащего прочтению и изучению. Двенадцать томов «Истории русской церкви»

(строго говоря, тринадцать: последний том вышел посмертно трудами А.П. Булгакова – брата митрополита Макария). Данная публикация представляет собой попытку хотя бы частичного устранения замеченного «белого пятна» в отечественной стилистике.

Уникальный идиостиль автора «Истории русской церкви» мы брали с прицелом на изучение другого «белого пятна» отечественной стилистики, а именно пластики изложения. Пластику традиционно фиксируют в том или ином художественном тексте, не вскрывая, однако, лингвистических механизмов этого феномена. Разумеется, и «простая» фиксация пластики тоже показательна. Секрет пластики иногда скрывается под весьма изысканным определением «благоуханная проза».

Один из самых благоуханных и томительных рассказов о любви и самых печальных – это купринский «Гранатовый браслет» (К.Г. Паустовский). Блистательный стилист, Паустовский оставил нам в наследство благоуханную прозу, а главное – научил видеть, слышать и осязать окружающий мир (Майя Уздина). В своём ответном стихотворении А.С. Пушкину митрополит Филарет писал: *Я лил потоки слёз нежданных, / И ранам совести моей / Твоих речей благоуханных / Отраден чистый был елей.*

Разумеется, мы не вправе определять пластику как нечто... благоуханное, но сам по себе этот эпитет весьма показателен. Аналогичным показателем пластики стиля может служить и условное жанровое определение прозаического текста как ПОЭМЫ. Мы имеем в виду лирико-прозаические тексты: стихотворения в прозе И.С. Тургенева, поэмы С.Н. Сергеева-Ценского. Проблематика лирико-прозаических текстов всё чаще интересует лингвистов [9, 10].

Однако, по всей видимости, вопрос упирается в то, что пластику труднее определить и труднее исследовать, чем какие-либо, например, тропы или риторические фигуры, хотя с внутренней риторикой пластика тоже активно коррелирует, в чём мы убедимся далее. Отметим особо статью М.Н. Эпштейна «Пластичность философского текста: почему одни авторы более читаемы, чем другие», где эффект пластики автор проецирует на грамматическое многообразие создаваемого текста [11].

Материал исследования

В объективе нашего внимания оказывается основной труд митрополита Макария (Булгакова) «История русской церкви», однако и в целом не только исторические труды, но и проповеди, и документы, подготовленные рукой митрополита, и письма уже при первом знакомстве, действительно, восхищают своим языком, своим сочетанием правильности, лексического и грамматического многообразия, изящества. С одной стороны, это несомненная заслуга самого митрополита Макария (Булгакова) как языковой, языкотворческой личности, однако, с другой стороны, свою роль в своё время сыграли наставники будущего историографа, что выявило изучение материалов жизнеописания митрополита Макария (Булгакова), осуществлённого Ф.И. Титовым. Среди таких наставников встречаем имена Д.С. Любичского, П.Я. Красина, П.Д. Вышемирского, Я.К. Амфитеатрова. Огромное влияние на будущего митрополита оказал ректор Духовной академии Иннокентий, который, как пишет Ф.И. Титов, целые часы проводил в беседах о проповеди и проповедническом искусстве.

Методы исследования

Помимо биографического метода, о чём только что было упомянуто, при исследовании пластики языка и стиля использовался набор сугубо лингвистических приёмов и методик. Так, методика изучения начальных предложений необходима была при анализе прозрачности стиля. Методика исчисления коэффициента лексического разнообразия текста требовалась для выявления такого параметра, как богатство лексики. Методика слепых сюжетных схем использовалась при установлении грамматического богатства идиостиля. Контекстуальный анализ позволил рассмотреть частотность двойных эпитетов. Наконец, концептуальный анализ потребовался для характеристики репрезентантов таких концептов, как ЧЕСТЬ, УСЕРДИЕ, РЕВНОСТЬ (в значении особенного усердия), ДОСТОИНСТВО.

Основная часть

Пластику целесообразно понимать и в узком смысле термина как отшлифованность текста (или выступления) при задействованном богатстве языковых средств, и в широком, этико-философском смысле как жизненно необходимую гибкость оценок и поведения в соответствии с высокими идеалами и поддержкой «самостоянья» человека. Разумеется, мы ориентируемся на узкий, сугубо лингвистический подход к пластике.

Под пластикой мы понимаем плавность, отточенность, отшлифованность произведений письменной формы речи различных жанров в сопряжении с прозрачностью и глубиной выражаемой мысли, лексическим и грамматическим богатством, естественностью и элегантно привлекательных

образов. Заявленные здесь и сейчас составляющие пластики нуждаются в аргументации и комментариях. Рассмотрим эти звенья, «комплектующие» пластики более подробно.

Для исследования прозрачности стиля были проанализированы начальные предложения глав, разделов ИРЦ.

Историю православной Церкви в нашем отечестве обыкновенно начинают с обращения к христианству великого князя Владимира, и начинают весьма справедливо [ИРЦ. Кн. I: 83]. Если от настоящего порядка вещей в пределах нашего отечества мы перенесемся мыслию в те отдаленные времена, когда не было еще в этих пределах самого царства Русского, и сравним прошедшее с настоящим, нас, без сомнения, поразит тогдашний беспорядок [ИРЦ. Кн. I: 89]. Древнее сказание о проповеди у нас святого Андрея достойно всего нашего внимания. Это весть о первой у нас проповеди – и проповеди апостольской! [ИРЦ. Кн. I: 91].

Обратим внимание на «микроинтригу», микрозаряд в трёх этих небольших повествованиях. Все они заканчиваются так называемым текстовым напряжением, требуя распространения, обоснования, рассказа, развертывания: ...и начинают весьма справедливо; поразит тогдашний беспорядок; и проповеди апостольской!

Ещё ярче этот «заряд», посыл читательскому вниманию и интересу обнаруживает себя, когда повествование открывается серией звенящих вопросов.

Нашел ли святой благовестник в странах наших готовность к принятию небесного учения? И если нашел, основал ли хотя одну или даже несколько частных Церквей? И если основал, долго ли они существовали? [ИРЦ. Кн. I: 102].

Ещё более характерной в первых строках для стилистики митрополита Макария при выстраивании концепции большой работы является изначальная географическая пропись, топонимика сложившейся ситуации, причем весьма подчас сложная и неоднозначно, противоречиво трактуемая, и таких примеров немало.

Древняя Сарматия, заключающаяся приблизительно между Черным и Азовским морями, Доном, Волгой, Каспийским морем и Кавказом, по различию народов, в ней обитавших и нередко передвижавшихся с места на место, была разделяема писателями различно и неопределенно [ИРЦ. Кн. I: 128].

Итак, интерес к начальным предложениям служил для нас всего лишь приёмом исследования ясности и прозрачности изложения. Логика работы требует, чтобы мы хотя бы просто продемонстрировали и в иных текстовых пространствах эту ясность и прозрачность, работающие на изящество стиля, но не оборачивающиеся ни уходом в разговорный стиль, ни примитивизмом изложения. Например:

Власть наместников была весьма обширна: они как бы заменяли собою своих епархиальных владык в тех округах, которые владыки им поручали. Здесь ведению наместников подлежали все церкви и монастыри, всё духовенство, белое и монашеское, и по управлению, и по суду, и по собиранию пошлин. Но при такой многосложности своих обязанностей и при обширности округов эти главные помощники епархиальных архиереев не могли непосредственно уследить за всеми членами вверенного им духовенства и сами нуждались в помощниках [ИРЦ. Кн. 4, ч. 2-я: 102].

Возникает вполне закономерный вопрос: что же способствует такой прозрачности при освещении столь неоднозначных и подчас противоречивых исторических фактов? Здесь можно выделить когнитивные поворотные скрепы в развёртывании исторического полотна. *Что касается до причетников, т.е. дьячков и пономарей... Надобно, однако ж, помнить, что тогда в России... А потому очень естественно, что... Достойно замечания, что... Надобно присовокупить, что... Обратимся теперь к... О церквах соборных мы упоминали ещё... Под когнитивными поворотными скрепами* мы понимаем те особые предложения, которые меняют регистр изложения через уточнение, новый акцент, оценку, изменение темы *etc.* и в которых ярче высвечивается образ автора как создателя исторического повествования.

Сказать, что автор часто прибегает к таким «поворотным» словам, было бы неверно: стиль митрополита Макария весьма разнообразен даже в пределах небольших отрывков. И, тем не менее, эти скрепы есть и не могут не быть замечаемыми при чтении и изучении ИРЦ как несущие конструкции, на которых держится повествование и которыми обеспечивается динамика повествования. Обратим внимание на общий объём повествования: 12 томов, 7 весьма увесистых книг, в своей совокупности составляющие целостное здание «Истории русской церкви». Для сравнения представим объёмы в условно-печатных листах известных изданий.

Автор-составитель Томы (книги)	Количество условно-печатных листов							всего
	I	II	III	IV	V	VI	VII	
В.И. Даль	34,75	79,95	80,77	70,11	–	–	–	265,58
Н.М. Карамзин	27,72	22,68	28,56	28,56	–	–	–	107,52
м. Макарий	35,7	61,6	64,6	51,8+ 38,5*	49	70	58,8*	430,0

Объём «Истории...» митрополита Макария в 4 раза превышает «Историю...» Н.М. Карамзина. Логика работы требует ещё одного количественного, квантитативного сопоставления – сопоставления с известной «Историей России в древнейших времён» С.М. Соловьёва [Соловьёв 1959-1960]. Суммируем объём «Истории России...» в печатных листах по книгам (1400 п.л.). Этот объём более чем в 3 раза превышает ИРЦ, что, однако, не умаляет подвига митрополита Макария.

Когнитивные поворотные скрепы важны, однако митрополит Макарий применяет для гармонии и пластики изложения целый арсенал и других замечательных приёмов: приём использования вопросов, приём нумерации, приём инверсии.

*Прервём здесь на время рассказ и спросим: кому же принадлежала мысль об учреждении патриаршества в России? Первый высказал её точно и определённо сам государь Фёдор Иванович [ИРЦ. Кн. VI: 30]. Но для нас в настоящем деле важны, собственно, два обстоятельства. Во-первых, то... [ИРЦ. Кн. V: 39]. ...А из прочих иерархов-епископов не подписался никто, и из архимандритов, и вообще из духовенства их епархий также никто – обстоятельство **чрезвычайно важное** [ИРЦ. Кн. V: 48].*

У митрополита Макария отметим ещё один интересный приём добавления пластики: **двойные эпитеты**. Выпишем ещё ряд примеров на удвоение эпитета: *...Чтобы дьяконы держали себя в церкви благоговейно и чинно; высказал её **точно и определённо**; Какие это чада православной церкви, которые относятся к своему исповеданию **безучастно и безразлично**...; И этот выбор тем более был им **дорог и приятен**, что... Но большую часть показания его **достоверны и драгоценны** для нас как показания современника, и притом латинянина.*

Впрочем, термин «эпитет» здесь не вполне уместен, его прерогатива – художественные тексты. Здесь же, в историческом труде, речь идёт, скорее, об удвоенной оценочности, о некотором усилении через удвоение оценочных требований. Традиция такого наставления заложена, в частности, ещё в Макарьевском Стоглавнике. (Совершали церковные службы) *чинно и немаятно*, (Для большего утверждения церковного благочиния святители посылают каждый в своём пределе по всем городам и сёлам соборных священников, *добрых и искусных*... (вели бы жизнь) *трезвую и благочестивую*. ...Особенно же при патриархе *неприлично и крайне дерзко* младшему по сану называть себя учителем и богословом... [ИРЦ. Кн. VI: 346].

Мы особое внимание уделяем частотности двойных эпитетов, удвоенных требований в идиостиле митрополита Макария потому, что такая частотность далеко не случайна. Здесь лингвистика смыкается с этикой, сугубо стилистический феномен обнаруживает религиозно-этическую подоплёку: удовлетворять одномоментно не одному, что привычно, а сразу двум требованиям, избегать не одного нарушения, а двух недопустимых поведенческих действий.

Далее, пластика стиля митрополита Макария обеспечивается удивительным богатством используемой лексики, что подтверждает вычисление коэффициента лексического разнообразия текста [12: 26-33].

Для такого квантитативного анализа был выбран небольшой, но относительно завершённый авторский текст Предисловия (с. 83-86), который, во-первых, «с высоты птичьего полёта» охватывает всё предстоящее содержание большого труда и, во-вторых, лексические единицы которого менее привязаны к тому или иному конкретному блоку изложения. Этот текст условно мы поделили на два примерно равных фрагмента, демаркационная линия которых означена абзацем, начинающимся словами «Но где же должна сказать о них, этих следах святой веры...». Далее по каждому из двух отрывков Предисловия был произведен количественный подсчет абсолютно всех слов, включая служебные, с указанием числа повторений. Слова проставлялись в начальной форме.

1. а 3, апостол, без 8, благоустройство, ближайший / близкий 2, более, большой, бы 4, быть 9, в (во) 22, важный 2, варяго-русы, великий 3, вера 2, вероятность, весь 3, весьма... < > уже 2, упомянуть, хотя 2, христианин, христианство 10, царство 4, церковный, Церковь 16, частность, частный, часть, число, что 7, чтобы, этот 7.

II. а 3, армянский, близкий, более 3, больше, бы, бывать / быть 5, в (во) 25, введение 4, великий 2, вера 4, верный, весь 3, взгляд, видеть...< > точка, точнее, третий, уже 2, упомянуть, хотеть, хотя, христианство 6, царство 6, церковный 2, Церковь 11, частнейший, часть 2, что 5, эпоха, этот 6, я 9.

Уже по этим двум рамочным выборкам видно, что между ними проскакивают общие слова (*Церковь, уже, а, этот...*), и на следующем этапе мы произведем наложение данных, чтобы получить еще более прозрачный результат по исчислению коэффициента лексического разнообразия идиостиля митрополита Макария, но сейчас проанализируем выборки по отдельности.

В первой части Предисловия:

Всего не повторяющихся слов	Употреблено единожды	дважды	трижды	четыре и более раз
204	103	40	17	44

Половина слов (!) употреблена в отрывке единожды, если присовокупить двукратное словоупотребление, то получим 70% от общего числа. Не более трех раз – 78,4%. Обращает на себя внимание соответственно и весьма низкий процент (24,56%) слов, употреблённых более трех раз.

Во второй части Предисловия:

Всего не повторяющихся слов	Употреблено единожды	дважды	трижды	четыре и более раз
210	130	30	11	39

Более половины слов употреблены один раз. Если прибавить двукратное словоупотребление, то получим 76% от общего числа. Не более трех раз – 81%.

Теперь ожидаемо соединим данные, то есть наложим два списка, чтобы получить квантитативный портрет Предисловия.

Всего не повторяющихся слов	Употреблено единожды	дважды	трижды	четыре и более раз
312	161	60	24	67

Гипотетически мы ожидали, что при наложении двух списков проценты единожды (дважды, трижды) употребленных слов снизятся, однократное употребление сменится двукратным, двукратное перейдет в трех- и так далее, однако прирост наблюдался на частотных словах, а процент малоупотребительных оказался едва ли не тождественным: более половины – с единичным словоупотреблением: 51,6%; если присовокупить двукратное употребление слов, тогда процент вырастет до 67,6%. Не более трех раз – 75,3%.

Из трёх вышеприведенных итоговых таблиц наиболее интересна для нас вторая, в которой высчитывается лексическое разнообразие при продолжении развертывания Предисловия. Любой автор, продолжая, начинает ходить по собственным следам, что естественно и ожидаемо. Неожиданным для нас был высокий процент одноразово употребленных слов именно при развёртывании объяснительного текста, каковым по определению и является любое предисловие.

Всего знаменательных и служебных слов в Предисловии 1031. Коэффициент лексического разнообразия текста: $161 : 1031 = 0,156$. Каждое десятое слово в тексте встречается впервые, точнее: встречается в первый... и в последний раз.

Теперь возьмём в синтагматической цепи, контекстуальной последовательности только знаменательные слова, опустив предлоги, союзы, частицы, и отметив их через присущий им индекс частотности в анализируемом тексте. Пропишем, представим такими цифровыми портретами первые три предложения.

а) 17-1-27-28-5-2-2-2-16-5-8-9-2-1-4.

б) 27-29-2-2-2-5-6-2-15-13-3-6-1-2-1-2-2-1-11-14-27-2-1-1-1-13-3-27-28-1-3-2-1-1-13-3-24-2-1-1-17-2-2-1-27-1.

в) 2-4-13-12-16-7-15-2-2-5-8-9-8-29-10-3-6-11-11-14-4-5-6-1-1-1-2-14-2-2-29-27.

На первый взгляд, цифровая палитра весьма и весьма пестра и будто бы мало, о чём свидетельствует. Однако с некоторой, естественной для живого языка в действии условностью можно констатировать, что количество однократно употребляемых слов (словоформ) регулярно увеличивается к концу предложений, то есть к наиболее информативной, финальной части, что не может не работать на пластику текста.

Теперь по такому же «числовому сценарию» рассмотрим абзац в середине, центральном блоке текста:

а) 13-13-1-16-14-15-5-8-9-2-1-29-27-3-1-1-1-4-1-8-24-6-29.

б) 2-2-2-1-14-1-1-7-5-14-1-1-2-7-1-17-28-4-27-2-1-4-2-1-10-1

Наконец, пронаблюдаем распределение однократно употребленных слов во фрагменте, близком к концу, перед итоговым выводом:

а) 2-2-1-27-1-1-6-28-5-2-24-2-1-2-17-2-3-7-13-27-27-29-1-1-2-13-1-2-2-24-8-6-10-2-5-13-1-24-1

б) 1-1-1-9-7-16-1-1-1-6-1-11-1-5-7-6-28-4-6-1-1-1-24-1-2-15

в) 2-6-4-1-5-1-9-1-5-1-1-9-1-2-7-6-3-10-29-2-7-28-27-3-1-1

В серединном и близком к финалу фрагментах исследуемого Предисловия распределение однократно употребленных слов равномерно распространяется в каждом предложении, без каких-либо сгущений, тогда как в начальном фрагменте приближается, повторим к финалам предложений, сначала задающих тематику дальнейшего изложения словами церковь, наш, русский, история и под.

Наши числовые срезы были бы ещё более выразительными, если снять с рассмотрения не только служебные слова, но и местоимения, модальные глаголы, во-первых, и тематически обусловленные постоянно циркулирующие в тексте слова, во-вторых. Такая операция, однако, выглядела бы как подгон под ответ, и без того достаточно прозрачный.

Помимо Предисловия мы вычислили коэффициент лексического разнообразия ещё на одном фрагменте из «Истории русской церкви» [ИРЦ. Кн. 3: 298-299], подобрав для подсчёта слов такой фрагмент, который не содержал бы цитат и обильных перечислений, способствующих резкому увеличению числа единичного словоупотребления.

Отрывок начинается Словами «Неутешительный вывод...» и завершается «...исключительно переводную». Далее следует перечень. В этой части книги историк рассуждает о малом количестве и не лучшем качестве русской духовной литературы в монгольском периоде.

Рабочий материал выглядел следующим образом, набранный, правда, столбцом. Представим его фрагмент: ...мало 2, малочисленный, масса, мелкий, монгольский, мочь, мы 6,

мысль 2, на 2, навыв, над, назвать, народ, настоящее, наука, научный 2, начитанность, наш 6, не 6, небезыскусственный, небогатый, недошедший, некоторый, нельзя...

Всего слов	лексем	употребленных единожды	дважды	трижды	четыре и более раз
3359	215	157	38	9	11

Процент однократно употребленных слов составил 73%. Процент слов, употреблённых от одного до трёх раз, вообще «зашкаливает»: 95%. Практически каждое слово, включая самые ходовые, служебные, употреблено в этом фрагменте не более трёх раз.

Столь же высоким при исследовании текстов «Истории русской церкви» митрополита Макария (Булгакова) оказалось и грамматическое разнообразие. В самом начале работы мы упоминали о статье М.Н. Эпштейна, заметившего при анализе философских текстов во многих из них... грамматическую монотонность, когда в одном предложении фиксируются до двадцати существительных, стоящих в одном и том же родительном падеже [Эпштейн 2014: 223]. Для грамматического анализа был выбран следующий отрывок из ИРЦ.

Не излишним считаем упомянуть, наконец, ещё об одном предмете в истории Армянской Церкви, который с первого раза имеет к нам, по-видимому, особенную близость: разумею известие, что в Армении по реке Араксу издревле обитал какой-то народ рос, у которого был свой епископ уже в четвертом веке. Некоторые хотят видеть в этом народе племя славянское, русское и отсюда выводят заключение о древности христианства между нашими предками. Но для такой мысли решительно нет никакого основания, кроме случайного созвучия в имени двух народов, и если бы мы стали искать нашей России и наших предков повсюду, где только звучало когда-либо местное имя подобного рода, в таком случае мы нашли бы их во всех странах мира [ИРЦ. Кн. I: 149].

Этот сравнительно небольшой фрагмент текста демонстрирует:

богатство падежных форм: Пр.-Пр.-Р.-Им.-Р.-Д.-В.: В.-Пр.-Д.-Им.-Р.-Им.-Пр. / Им.-Пр.-В.-В.-Пр.-Р.-Тв. / Р.-Р.-Р.-Пр.-Р.-В.-В.-Им.-Р.-Пр.-Им.-В.-Пр.;

богатство и разнообразие предлогов: ОБ-В-С-К-В-ПО-У-В-В-О-МЕЖДУ-ДЛЯ-В-В-ВО;

богатство и разнообразие глагольных форм: Считаю (не излишним) упомянуть – имеет близость – разумею – обитал – был – хотят видеть – выводят заключение – стали бы искать – звучало – нашли бы;

богатство и разнообразие местоимений: Пронаминальное слово (об дном предмете) с семантической неопределенности – Относит. – Личн. – Неопред. – Относит. – Притяжат. – Неопред. – Указ. – Притяжат. – Указ. – Отрицат. – Личн. – Притяжат. – Притяж. – Указ. – Личн. – Определяет.

Наконец, ещё одно, едва ли не главное структурное достоинство рассматриваемого фрагмента – его синтаксическая его форма. На первый взгляд перед нами весьма витиеватая синтаксическая композиция, состоящая из трех предложений. В первом предложении представлены: придаточное изъяснительное с атрибутивным оттенком, чисто изъяснительное, чисто определительное. Далее следует простое предложение с однородными сказуемыми (*хотят видеть и выводят заключение*). Завершает фрагмент предложение с паратаксисом и гипотаксисом, во второй части которого играет своими смыслами придаточное условное с входящим в него придаточным места.

Такой лингвистический разбор может показаться формальным, но мы пошли на это, чтобы выявить механизм пластики текста, продемонстрировать, на каком грамматическом богатстве, на каком многообразии языковых форм возникает и держится легкость восприятия отрывка и пластика его развертывания.

Подводя черту под изучением многообразия идиостиля митрополита Макария, обобщим формальные подсчёты и конкретные примеры. Известный французский писатель, непревзойдённый мастер стиля Густав Флобер считал, что слово (надо полагать, знаменательное!) имеет право на повторение в создаваемом художественном тексте только после 200 других слов. Притягательность новизны, кайнэрастический эффект изучает в настоящее время особая отрасль гуманитарного знания [13: 40-46], включая проекции: узнавать новое, становиться новым и создавать новое. Феномен пластики как раз и работает в режиме, как выше мы убедились, перманентного создания «нового», привлечения всё новых и новых языковых средств для освещения исторических событий, в данном случае при исследовании истории русской церкви. По всей видимости, весомая эрудиция митрополита Макария (Булгакова), ответственнейшее отношение к реализации замысла, постоянное обращение к многочисленным летописным и книжным источникам развили такую языковую интуицию, которая и обеспечивала удивительную свежесть в привлечении языкового материала, фиксируемую на молекулярном уровне отдельного слова, словоформы, грамматической категории, разряда слов.

Разумеется, пластика «Истории русской церкви» – это и всё то, что не уместилось в рамки данной статьи: использование тропов и риторических фигур (мы охарактеризовали всего лишь двойные эпитеты), это сочетание цитации и пересказа, то есть регулирование цитатного слоя, это комментарии к «каталогам» (спискам, перечислениям), без таких списков и комментариев к ним не может обойтись ни один историографический опус.

Выводы

1. Тексты митрополита Макария (Булгакова) и, прежде всего, «Историю русской церкви» можно рассматривать как оптимальный материал для исследования механизмов пластики как непосредственно в самом идиостиле митрополита Макария (Булгакова), так и в проекции на иные жанры и дискурсивные практики. Уникальная пластика стиля обнаруживает себя уже при самом первом, беглом знакомстве практически с любым фрагментом многотомной «Истории русской церкви».

2. Пластику целесообразно понимать и в узком смысле термина как отшлифованность текста (или выступления) при задействованном богатстве языковых средств, и в широком, этико-философском смысле как жизненно необходимую гибкость оценок и поведения в соответствии с высокими идеалами и возможностью языковой поддержки «самостоянья человека». Разумеется, мы ориентировались на узкий, сугубо лингвистический подход к пластике.

3. Пластика стиля митрополита Макария обеспечивается, прежде всего, ясностью и прозрачностью изложения, весьма и весьма насыщенного фактами, казалось бы, трудно воспринимаемыми в силу хронологической своей отдалённости. Эту ясность «обещают» читателю уже самые первые предложения в главах, разделах, подпунктах. В центральных частях повествования автор использует поворотные когнитивные скрепы, вопросы, инверсии, приём нумерации, достаточно часто прибегает к удвоению эпитетов, выполняющих оценочно-характеризующие функции, что смыкает прерогативы языка и этики при выстраивании сложнейшего исторического полотна.

4. Как показало проведённое исследование, пластика стиля во многом определяется степенью лексического разнообразия текста, что обнаруживается подсчетом лексем, употреблённых один-единственный раз и, соответственно, вычислением коэффициента лексического разнообразия текста.

5. Пластика стиля зиждется также на грамматическом многообразии привлекаемого материала, что проявляется в разнообразии падежных форм, в палитре используемых предлогов, в богатстве глагольных форм и синтаксических структур.

6. Существует целый ряд и других «механизмов» поддержки пластики. Это тропы и риторические фигуры, цитаты и каталоги. Соблюдение всего арсенала средств обеспечивает пластику изложения, как мы пытались показать, не только в художественном тексте (где пластика обычно только фиксируется), но и в сугубо научном и весьма объёмном историографическом труде митрополита Макария (Булгакова), внёсшего неопределимый вклад не только в историю церкви, но и в отечественную языковую культуру.

Литература

1. Бурова Г.П., Лосева Т.В. Нравственные аспекты вербального лечения человека (взаимодействие религиозного и фармацевтического дискурсов) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 2. С. 17-20.
2. Хроленко А.Т. Филологическое познание и религиозный опыт // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 3 (23). Т. 2.
3. Бурцев В.А. Дискурс русской православной проповеди: способы производства высказываний. Дис. ...д-ра филол.наук. – Елец, 2012.
4. Уваров М.С. Архитектоника исповедального слова. – СПб., : Изд-во «Алетейя», 1998.
5. Воробей И.А. «Бог» и «ангел» в поэзии Р.М. Рильке (конкорданс и интерпретация): Дис. ...канд.филол.наук. – Пятигорск, 2009.
6. Кислянская Ж.А. Структурно-семантические особенности универсальных концептов в англоязычном религиозном дискурсе (на материале текста Библии): Дис. ...канд.филол.наук. – Тула, 2010.
7. Мишина Л.Н. Вербализация концепта «мученичество» в старославянских рукописях X-XI вв. и в древнерусских памятниках XI-XIV вв.: сопоставительный анализ: Дис. ...канд.филол.наук. – Магнитогорск, 2008. – 203 с.
8. Талапова Т.А. Концепт «вера / неверие» в русской языковой картине мира: Дис. ...канд. филол. наук. Магнитогорск, – 2009.
9. Озерова Е.Г. Русский лирико-прозаический текст: дискурсивно-когнитивный аспект: монография. – Белгород: Изд-во НИУ «БелГУ», 2012. 276 с.
10. Озерова Е.Г. Культурные коды лирико-прозаического текста. – М.: Эдитус, 2016. 118 с.
11. Эшпштейн М.Н. Пластичность философского текста: почему одни авторы более читаемы, чем другие // Звезда, 2014. № 1. С. 220-225.
12. Харченко В.К. Квантитативная стилистика: исчисление коэффициента лексического разнообразия текста // Малоизвестные приёмы и методики анализа языка. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2008. С. 26-33.
13. Сосланд А. Влечение к новизне // Знание – сила. – 2006. № 8. С. 40-46.